

Люси Мод Монтгомери

ЭННИ

из Зелёных Мансард

Иллюстрации
Екатерины Комраковой

#эксмогетсво

Москва
2025

Памяти матери и отца моих

Твой гороскоп — собранье добрых звёзд,
В тебе соткавших дух, огонь и росы.

Браунинг

Глава 1

МИССИС ЛИНД УДИВЛЕНА

Миссис Линд жила там, где главная дорога Авонли устремлялась в небольшую лощину, по краям которой росли ольха и цыганские серёжки, а посередине бежал ручей. Бравший начало в лесу, возле фермы Катбертов, он стремительно нёсся по извилистому своему руслу с тёмно-таинственными заводами и порогами, но на подходе к низине Линдов словно спохватывался: не дело мчаться мимо двери миссис Линд, пренебрегая правилами хорошего тона, — и сменял своё буйство на благонравие тихого мирного ручейка. Видимо, даже ему было известно, как дотошно отслеживала из своего окна миссис Рэйчел всех пробежавших мимо — от ручьёв до детей — и при малейших, с её точки зрения, странностях или беспорядке не успокаивалась, пока не выясняла, что происходит и почему.

В Авонли и за его пределами многие интересовались делами соседей, но любопытство отнимало время от дел собственных. Но миссис Рэйчел относилась к числу тех редких особ, которые и со своими заботами справятся, и за чужими проследят. Она была выдающейся домохозяйкой: превосходно управлялась по хозяйству, руководила

кружком рукоделия, помогала в воскресной школе, была одним из столпов Общества церковной помощи и Вспомогательной службы зарубежных миссий. Не удивительно ли, что при подобной занятости у неё находилась ещё уйма времени на пёстрые покрывала, которые она вязала из хлопковых нитей, сидя часами у кухонного окна? «Шестнадцать штук уже сделала», — потрясённо констатировали домохозяйки Авонли. Но ещё сильнее всех поражало, что за вязанием не укрывалось от её глаз ничего из происходящего на главной дороге, которая за низиной взвивалась вверх по крутому склону холма. Авонли располагался на маленьком треугольном полуострове, острым углом вдававшемся в залив Святого Лаврентия, и любой, кто сюда приходил или отсюда уходил, обязательно появлялся на этой дороге, бросая тем самым вызов невидимому, но пристальному оку миссис Рэйчел.

Как-то в июне она тоже сидела и наблюдала. Время перевалило далеко за полдень. Солнечный свет, тёплый и яркий, золотил кухню. Сад в пышном свадебном наряде из розово-белых цветов, раскинувшийся на склоне горы чуть ниже дома, гудел от бесчисленного количества пчёл. Томас Линд — кроткий невысокий мужчина, которого жители Авонли чаще всего называли попросту «мужем Рэйчел Линд», — был занят поздней посадкой турнепса на горе за амбаром. То же самое собирался делать и Мэттью Катберт на большом красном поле у ручья возле Зелёных Мансард. Миссис Рэйчел точно это знала. Прошлым вечером ей довелось услышать, как в магазине Уильяма Дж. Блэра в Кармоди он говорил Питеру Моррисону про предстоящую посадку турнепса «назавтра после обеда». Вернее, Питер спросил об этом, а Мэттью Катберт ответил, так как сам он никому никогда ничего не рассказывал.

И вот — нате вам турнепс! Мэттью Катберт в половине четвёртого в будний день, миновав низину, въезжает на холм. Белый воротничок... Выходной костюм... Коляска запряжена гнедой кобылой... Он явно направляется куда-то далеко от Авонли, и надо бы понять куда и зачем.

Будь это кто-то другой, миссис Рэйчел, сложив два и два, быстро поняла бы что к чему. Но Мэттью редко покидал городок. На всём свете не сыскать человека стеснительнее его и так неуютно чувствующего себя в незнакомых местах, среди чужих людей — особенно если приходила нужда разговаривать с ними. Значит, поездка вызвана чем-то из ряда вон выходящим и необычным, о чём лишние раз свидетельствовали парадный костюм и коляска. Миссис Рэйчел мучительно раздумывала, но ничего не могла понять, и удовольствие, которое приносили ей ежедневные наблюдения, оказалось отравлено.

«Наведаюсь-ка я после чая в Зелёные Мансарды и выведаю у Мариллы, куда и зачем он отправился, — решила изнывавшая от неизвестности достойная женщина. — Он обычно не уезжает из города

в это время года, наносить визиты ему вообще *никогда* не взбредёт на ум, а если у него кончились семена турнепса, то он не поехал бы покупать их в коляске, да ещё таким *расфуфыренным*. Если бы он отправился за доктором для тяжелобольного, то ехал бы быстрее. Нет, всё-таки как пить дать что-то произошло со вчерашнего вечера. В чём причина? Совершенно не понимаю. И не успокоюсь, пока не выясню, что сегодня заставило Мэттью Катберта уехать из Авонли».

И она после чая отправилась в путь — не слишком, впрочем, далёкий. До большого дома Катбертов, стоящего посреди сада, от дома миссис Рэйчел по дороге было меньше четверти мили, а по длинной аллее немного дальше. Отец Мэттью Катберта, столь же застенчивый и молчаливый, как сын, постарался, насколько возможно, жить подалеже от соседей, но всё-таки не в лесу. Поэтому усадьба Зелёные Мансарды раскинулась на самой дальней окраине Авонли и была едва различима с главной дороги, вдоль которой в дружелюбном соседстве выстроились остальные дома городка.

Миссис Рэйчел решительно не понимала, как можно по собственной воле поселиться вот так, на отшибе. «Это не жизнь, а подлинное *прозябание*, — размышляла она, спускаясь по пересечённой корнями травянистой аллее, которую окаймляли кусты шиповника. — Потому-то, видать, у Мэттью и Мариллы мозги немного набекрень. Рядом с ними одни деревья, а с ними не наговоришься. Хотя, думаю, начни они разговаривать, Мэттью быстренько их повырубил бы. Нет, я без людей рядом жить не могу, хоть ирландцы и говорят, что человек ко всему может привыкнуть».

С этими мыслями миссис Рэйчел выбралась по аллее на задний двор усадьбы — зелёный, аккуратный и тщательно распланированный. По одну сторону его выстроились патриархальные ивы, по другую — чопорные пирамидальные тополя. Нигде ни постороннего камушка, ни щепочки — уж они не укрылись бы от внимательных глаз миссис Рэйчел. Придаться было решительно не к чему. Похоже, Марилла подметала двор с той же тщательностью, что и дом.

Прямо хоть ешь с земли, невзирая на поговорку, что в этом мире к любому хоть малость грязи прилипнет.

Миссис Рэйчел громко постучала в дверь кухни и вошла тотчас же, как изнутри последовало приглашение. Комнату, в которой она оказалась, можно было бы назвать жизнерадостной, если бы не чрезмерное усердие хозяйки, превратившей её в нежилую парадную гостиную. Окна кухни выходили на запад и на восток. Сквозь западное, обращённое на задний двор, струились по-июньски мягкие солнечные лучи, а из восточного были видны усеянные белыми цветами вишни, кивающие под ветерком белые берёзы в левой части сада, внизу у ручья, и зелёный занавес виноградных лоз. Марилла Катберт иногда сидела на кухне в предзакатные часы, но недолго. Солнечные лучи казались ей чересчур игривыми и безответственными для этого мира, который требовал, чтобы его воспринимали всерьёз. Тем не менее сейчас она была там со своим вязанием, а за её спиной был накрыт стол к ужину.

Миссис Рэйчел, даже не успев затворить за собою дверь, ухитрилась разглядеть всё, что на нём находилось. Три тарелки — значит, Марилла ждёт к ужину кого-то, за кем отправился Мэттью. Тарелки, однако, не парадные, а обычные, а из еды лишь пирог да яблочное варенье, из чего следует, что гость не какой-то особенный. Но как же тогда быть с белой сорочкой Мэттью и гнедой кобылой? У миссис Рэйчел голова шла кругом в попытках разрешить тайну, столь непривычную для тихих и совсем не таинственных Зелёных Мансард.

— Добрый вечер, Рэйчел! — бодро приветствовала её Марилла. — Отличная погода, не правда ли? Садись. Расскажи, как твоя семья.

Марилла Катберт и миссис Рэйчел всегда пребывали в весьма дружеских отношениях, точнее не назовёшь, и их взаимной приязни совсем не мешало, а, может, даже и помогало, что они очень разные.

Марилла, высокая и худая, казалось, состояла из сплошных углов. Тёмные волосы, в которых уже появились седые пряди, она закручивала на затылке в тугой пучок, воинственно протыкая его двумя

шпильками. В её внешности было нечто, заставлявшее думать, что она неукоснительно придерживается твёрдых нравственных принципов. Такой Марилла и была, и только в складке её губ таился некий намёк на спасительное чувство юмора.

— У нас всё неплохо, — ответила миссис Рэйчел, — но я встревожилась, когда увидела, как Мэттью так спешно куда-то поехал. Подумала: уж не к доктору ли для тебя?

— О нет. Я сегодня хорошо себя чувствую, хотя вчера голова действительно болела. А Мэттью поехал в Брайт-Ривер. Мы взяли из приюта в Новой Шотландии маленького мальчика, и он сегодня прибывает на поезде.

Сообщи Марилла, что Мэттью поехал в Брайт-Ривер встретить австралийского кенгуру, миссис Рэйчел удивилась бы меньше. Она застыла и онемела на целых пять секунд. Неужели Марилла её разыгрывает? Предположить подобное было немыслимо, и всё-таки миссис Рэйчел почти пришла к такому выводу.

— Ты серьёзно, Марилла? — спросила она, едва к ней вернулся дар речи.

— Ну да, — отозвалась та с таким видом, будто брать мальчиков из сиротских приютов Новой Шотландии было вполне привычным июньским занятием у всех работающих фермеров Авонли, а не событием ошеломляющим и до сей поры здесь неслыханным.

Миссис Рэйчел почувствовала, что душевное равновесие покидает её, а в голове беспорядочно сменяют друг друга восклицания: «Мальчик! Не кто иные, как Марилла и Мэттью Катберты решили усыновить мальчика! Сироту! Из приюта! Просто земля из-под ног уходит! О, удивлюсь ли я после этого ещё хоть чему-нибудь в этой жизни!»

— С чего это вам вздумалось? — Вопрос прозвучал с осуждением. Миссис Рэйчел считала предосудительными любые поступки жителей Авонли, если те, прежде чем что-то решить окончательно, не спрашивали у неё совета.

— Ну мы какое-то время обдумывали... всю зиму, если точнее, — объяснила Марилла. — За день до Рождества к нам навелась миссис Александра Спенсер. Она сказала, что весной собирается взять девочку из Хоуптонского приюта. В Хоуптоне у неё живёт сестра, миссис Спенсер съездила к ней и всё выяснила. А нам с Мэттью эта затея пришлась по душе. Мы обсуждали её, обсуждали и в результате решили, что возьмём мальчика. Мэттью не молодеет, знаешь ли. Ему пошёл седьмой десяток, и он далеко не так бодр, как прежде. Сердце стало его беспокоить, а хорошего наёмного работника в помощь найти, сама знаешь, трудно. Никого нет, кроме этих недорослей-французов. С ними намучаешься, пока под себя обтешешь, а едва они начинают на что-то годиться, как тут же отправляются на заводы, где делают консервы из лобстеров, а то и вовсе в Соединённые Штаты. Мэттью сперва предложили взять мальчика из Англии, но я твёрдо заявила: «Нет! Вполне допускаю, что в Англии тоже найдутся хорошие сироты, но ради меня, будь любезен, никаких лондонских беспризорников». Пусть наш мальчишка будет рождён в этих местах. Риск, конечно, всё равно есть, откуда приёмш бы нам ни достался, но мне будет легче с местным, и спать стану я крепче, если мальчик наш, из Канады. Мы попросили миссис Спенсер подобрать нам такого, когда поедет она за своей девочкой. И на прошлой неделе она как раз туда собралась, а мы через родственников Ричарда Спенсера передали в Кармоди просьбу найти мальчика посообразительней и поприятнее лет десяти-одиннадцати. Самый, по нашему с Мэттью мнению, подходящий возраст. Не малыш уже и сразу сможет заняться какой-нибудь простой работой, но ещё достаточно мал, чтобы успеть воспитать его как следует. Пусть наш дом ему станет родным, и образование ему дадим. Телеграмма от миссис Александры Спенсер пришла сегодня, почтальон принёс со станции. Они прибывают на поезде в пять тридцать, и Мэттью поехал встречать. Миссис Спенсер высадит нашего мальчика в Брайт-Ривер, а сама отправится дальше, в Уайт-Сендс.

Миссис Рэйчел всегда гордилась своей прямою. Вот и сейчас, немного освоившись с ошеломительной новостью, высказала без обиняков то, что думает.

— Ты, Марилла, по-моему, совершаешь огромную глупость, да к тому же ещё и опасную. Почём тебе знать, что получишь? В твоём доме появится ребёнок, о котором тебе ровным счётом ничего не известно: ни какой у него характер, ни кем были его родители, ни сможет ли он вырасти приличным человеком. Я на прошлой неделе прочитала в газете статью о муже с женой из западной части острова. Они взяли приютского мальчика, а он ночью поджёг их дом. И не случайно! *Нарочно* поджёг! Они, бедные, только чудом не сгорели заживо в своих постелях. А ещё знаю про другого усыновлённого мальчика, который высасывал яйца из скорлупы, и отучить его от этого оказалось невозможно. Если бы ты со мной посоветовалась заранее, я бы определённо тебе ответила: «Упаси тебя Бог, Марилла, и даже мысли не допускай!» Вот так, и никак не иначе!

Но её суровый тон и не менее суровый смысл сказанного ничуть не обескуражили и не обидели Мариллу, и она, продолжая спокойно вязать, ответила:

— Спору нет, кое в чём ты, Рэйчел, права. У меня самой были те же сомнения. Но Мэттью так загорелся... Когда я это заметила,

то сдалась. Он редко в чём упорствует, но если уж такое случается, то, считаю, мой долг ему уступить. Ну а риск... Да мы, что бы ни делали в этом мире, рискуем. Как посмотришь, так и своих детей рожать рискованно — далеко не всегда они вырастают идеальными. Новая Шотландия к нам довольно близко. Мы же его берём не из Англии или Соединённых Штатов. Вряд ли он чем-то особенно от нас отличается.

— Что ж, надеюсь, как-нибудь всё обойдётся, — произнесла миссис Рэйчел с видом, явственно выражавшим мучительные сомнения. — Только не говори потом, что я не предупреждала тебя, если он сожжёт дотла Зелёные Мансарды или насыплет стрихнину в колодец. Слышала я о подобном случае в Нью-Брансуике, где это сделал ребёночек из приюта,

обрёкший на жуткие муки и смерть всю любящую его приёмную семью. Не мальчик, правда, а девочка.

— Но мы-то берём не девочку, — победоносно парировала Марилла, словно уверенная, что отравлять колодцы свойственно лишь приёмным детям женского пола. — Девочку, не получившую воспитания, мне бы в голову не пришло взять. Удивляюсь, как миссис Александра Спенсер решилась. Но такой уж она человек. По-моему, весь приют бы удочерила и усыновила, окажись у неё возможность.

Миссис Рэйчел хотела было дождаться момента, когда Мэттью вернётся домой с сироткой, но, спохватившись, что произойдёт это не раньше чем через два часа, решила пока навестить Роберта Белла. Пусть узнает последнюю новость. Это же настоящая сенсация, а миссис Рэйчел обожала сенсации.

Марилле её уход принёс облегчение, так как от мрачных пророчеств гостыи она чуть было снова не оказалась во власти страхов и неуверенности.

— Мыслимо ли, что такое могло случиться! — выбравшись на аллею, воскликнула миссис Рэйчел. — Мне кажется, что я сплю. И до чего же жалко этого маленького бедняжку! Ведь Мэттью и Марилла понятия не имеют о детях и о том, как их воспитывать. Им, видно, кажется, что мальчишка будет спокойнее и рассудительнее, чем его дедушка, если, конечно, у него вообще был дедушка, в чём я лично сомневаюсь. Но это же надо! Ребёнок в Зелёных Мансардах! Никогда прежде этот дом не знал детей. Когда его только начали строить, Мэттью с Мариллой уже давно вышли из детского возраста. Да и были ли они вообще когда-то детьми? Глядя на них, не могу такого представить. И до чего же сочувствую бедному сироте! Не хотела бы я оказаться на его месте. Вот именно так. Совсем не хотела бы!

Кусты шиповника, к которым миссис Рэйчел обратилась с этой речью, наверняка услышали бы от неё нечто ещё гораздо более пламенное, возмущённое и сочувственное, знай она в тот момент, что за ребёнок ждал Мэттью на станции Брайт-Ривер.

МЭТТЮ КАТБЕРТ УДИВЛЁН

Т недая кобыла неспешно везла Мэттью Катберта все восемь миль до Брайт-Ривер. Красивая дорога тянулась мимо уютных усадеб, время от времени углубляясь то в островки ароматного пихтового леса, росшего между фермерскими угодьями, то спускаясь в низины, где сливовые деревья уже надели июньский наряд из цветов. Воздух был напоён сладким запахом цветущих яблоневых садов. Отлогие луга вдалеке простирались до самой линии горизонта, где тонули в бело-лиловой дымке тумана. А птицы пели с таким воодушевлением, словно «сегодня выдался единственный летний день за весь год», как написал Джеймс Расселл Лоуэлл¹ в стихах «Видение сэра Лаунфаля».

Мэттью наслаждался поездкой и мог бы получить от неё ещё больше удовольствия, если бы ему по пути не встречались женщины, которым было необходимо приветливо кивнуть, потому что на острове Принца Эдуарда² считалось обязательным здороваться с каждым встречным, неважно, знаком он вам или нет.

Женщины вызывали у Мэттью опаску. Они, все до одной, кроме Мариллы и миссис Рэйчел, представлялись ему существами загадочными, и он испытывал сильное подозрение, что они втайне смеются над ним. Возможно, отчасти так и было. Выглядел-то он весьма странно: нескладный, вечно сутулящийся, с длинными, изрядно уже поседевшими волосами, которые доходили ему почти до плеч, и мягкой каштановой бородой. Он отпустил её ещё в двадцать лет и с тех самых пор выглядел точно так же, как и сейчас, только без проседи в волосах.

¹ Джеймс Расселл Лоуэлл (1819–1891) — американский поэт-романтик.

² Остров Принца Эдуарда — остров и провинция в Канаде.

Прибыв в Брайт-Ривер, Мэттью не застал поезда и, решив, что добрался до места слишком рано, привязал лошадь во дворе маленькой местной гостиницы и отправился на вокзал. Длинная платформа встретила его почти полным безлюдьем. Лишь в самом дальнем конце её сидела на штабеле досок девочка. «Девочка», — отметил мысленно Мэттью, стремясь скорее проскользнуть бочком мимо, как бы не заметив, что тут кто-то есть. На лице девочки было написано напряжённое ожидание. Она явно высматривала что-то или кого-то. И так как ей оставалось только сидеть и ждать, она старалась изо всех сил справиться с этой задачей.

Мэттью осведомился у начальника станции, запиравшего билетную кассу перед тем, как пойти домой ужинать, скоро ли подойдёт поезд в пять тридцать.

— Прибыл и отбыл уже полчаса назад, — отозвался бодрый служащий. — Вам, однако, оставили здесь кое-кого. Маленькую девочку. Да вон она — там, на досках сидит. Я было предложил ей пройти в зал ожидания для леди, а она мне ответила, что предпочитает остаться снаружи, потому как там больше простора для воображения. Вот вам и девочка.

— Но я жду не девочку, — ошарашенно промямлил Мэттью. — Я приехал за мальчиком. Миссис Спенсер должна была привезти его из Новой Шотландии.

— Вот же оказия, — присвистнул начальник станции. — Миссис Спенсер, однако, сошла с поезда именно с этой девочкой, вверила её моему попечению и объяснила, что вы с сестрой берёте её из сиротского приюта и удочеряете, поэтому скоро приедете за ней на станцию. Остальное мне неизвестно.

— Как же так? — совсем растерялся Мэттью, мечтая, чтобы рядом оказалась Марилла, которая, в отличие от него, умела справляться с трудными ситуациями.

— Я бы на вашем месте спросил у девочки, — произнёс как что-то само собой разумеющееся начальник станции. — Смею заверить,

она уж точно вам всё объяснит. Язычок у неё бойкий, можете мне поверить. А насчёт мальчика... Может, у них нужного фасона не оказалось в наличии?

С этими словами оголодавший служащий поспешил к своему ужину, оставив бедного Мэттью, которому легче было бы побрить льва в его логове, чем подойти к девочке! Незнакомой девочке! Сироте! И спросить у неё, почему она не мальчик! Мысленно застонав, Мэттью повернулся и обречённо побрёл по платформе туда, где сидела девочка.

А она с тех пор, как он прошмыгнул мимо, наблюдала за ним и сейчас тоже с него не сводила глаз. Мэттью на неё не смотрел, а если бы и смотрел, всё равно от волнения не смог бы разглядеть то, что открывалось стороннему наблюдателю: девочку лет одиннадцати в очень коротком, тесном и крайне безобразном платье из жёлто-серой байки и в порядке вылинявшей коричневой шапочке, из-под которой торчали две толстых рыжих косы. Лицо маленькое, худое и беспокойное, обильно покрытое веснушками. Большой рот. Большие глаза, которые, в зависимости от освещения, казались то зелёными, то серыми.

